

участие в созыве и проведении Конгресса деятелей культуры в Париже в 1936 году и в Мадриде в 1937 году. С первого до последнего дня процесса Георгия Димитрова Кольцов был в Лейпциге, писал корреспонденции, прогремевшие на весь мир; он организовал издание «Коричневой книги», он же положил начало такому примечательному изданию, каким был «День мира». Этого неугомонного и неутомимого человека увлекало все, что связано с жизнью советских людей и прославлением советской Родины, с защитой ее интересов.

Рано оборвалась жизнь Кольцова. Невозможно даже представить, как много он еще смог бы сделать...

Я пишу эти строки не как литературовед,— пишу по зову сердца. Я лично знал Михаила Ефимовича, читал все, написанное им, и полностью убежден в правоте Корнея Чуковского, назвавшего Кольцова «первым журналистом эпохи».

Помню, как в 1928 году, когда я пришел на Страстной бульвар в издательство «Огонек» делать доклад о кооперативе «Коммунар», Кольцов отозвал меня в сторону и строго сказал: «Надеюсь, вы не собираетесь нас агитировать? Давайте во всем разберемся попросту, по-деловому.

Для нас любое собрание, которое нас ничему не научит,— потерянное время». Таким вот колючим он и сохранился бы в моей памяти на всю жизнь, не случись другая встреча. Я написал статью о бездорожье и никак не мог придумать хорошего газетного заголовка для нее. Зашел в садик «Жургаза» и, к счастью, застал там Кольцова. По моей просьбе он прочел статью, затем так же строго, как и в прошлый раз, поглядел на меня и вдруг широко улыбнулся, поманил меня к себе и таинственно проговорил: «Маяковский уж давно придумал заголовок». И надписал: «Дорогу — дорогам!»

И сейчас, читая этот сборник, я, спустя много лет после нашей последней встречи, как будто снова вижу перед собой этого удивительного человека...

Книга оформлена со вкусом. Чувствуется, что ее делали люди, понимающие толк в верстке. На обложке книги — портрет Кольцова на газетной полосе, выразительные документальные иллюстрации размещены в строгом соответствии с содержанием. Тексты набраны хорошим шрифтом.

Книга эта по праву станет литературным памятником классику советского фельетона.

Сем. ЛЯНДРЕС

СВЯЗЬ ВРЕМЕН*

Не так уж часто литературоведческое исследование привлекает такое широкое общественное внимание, как это случилось в Башкирии с книгой А. Харисова. Выход ее был отмечен большими, занимающи-

ми почти целые полосы, рецензиями во всех республиканских газетах: статьей народного поэта Башкирии С. Кудаша «Из глубин веков к современности», С. Саитова «Истоки башкирской литературы», Н. Зарипова «Ценный научный труд». С. Саитов оценивает книгу А. Харисова как «блестящий образец диалектического мышления». С. Кудаш называет ис-

* А. И. Харисов, Литературное наследие башкирского народа XVIII—XIX веков, Башкиргоиздат, Уфа, 1965, 414 стр. (на башкирском языке).

следование одним из первых достижений в области изучения традиций.

Интерес, и такой активный, к работе А. Харисова не случаен. Проблема, поставленная в книге, имеет не только литературоведческое, но и большое общекультурное значение: ведь это проблема литературного наследия, того эстетического опыта, с которым народ вступил в новую, советскую эру своей истории. Проблема эта, важная всегда и везде, имеет совершенно особое значение для башкирского народа, у которого до XX века не было развитой письменной литературы.

Вопрос о прошлом, об истоках принципиально важен для молодой национальной литературы. Кто стоял у ее колыбели в древности? Чем, какими силами обусловлен ее чудесный прыжок в революционные годы? Чем было подготовлено возникновение литературы в 20-е годы?

Ответы на эти вопросы дать чрезвычайно трудно: мало сохранилось письменных источников — записей историков, летописцев, поэтических текстов. На какие данные опираться, воссоздавая взаимосвязи фольклора и литературы? Как проследить прерывающуюся цепочку письменной литературы, передававшейся от одного любителя к другому, если между ними пролегли десятилетия, а то и века? Нужно поистине быть знатоком, эрудитом, чтобы в хаосе влияний, разновременных заимствований, оригинальных опытов установить какие-то твердые постоянные линии, нащупать контуры изменчивого процесса, выяснить, как возникали условия для зарождения национальной литературы. Вот это и было сделано А. Харисовым. Об этом рассказывает его книга, написание которой потребовало от автора не только владения огромным и разнообразным матери-

лом, но и решения применительно к данной теме сложных литературоведческих проблем (эстетические взаимосвязи, принципы художественного освоения иноязычного опыта, внутренние закономерности литературной динамики и т. д.).

Первая часть книги А. Харисова посвящена общим вопросам: национальный и литературный язык, культура башкир в различные эпохи, взаимодействие тюркских народов в процессе создания художественной культуры, роль фольклора в развитии башкирской литературы. Здесь закладываются теоретические основы исследования, расчерчивается принципиальная его схема.

Восстановить литературно-художественную атмосферу прошлых веков, узнать, какие образы воодушевляли древних башкирских читателей и писателей, чем определялись их эстетические симпатии и антипатии, что они читали и могли читать, к какому языку влекло их, — все это возможно выяснить, лишь восстановив фольклорное наследие, взаимосвязи башкир с Востоком, с Западом, заставив заговорить древние рукописи — оригинальные и пришлые, включив в эту канву творчество поэтов, живших на территории Башкирии.

А. Харисов вынужден начинать с доказательства того, что у башкир имелось свое художественное наследие. Ведь в литературоведении бытует старая концепция: башкиры — народ без литературного наследия, у них был лишь Салават Юлаев, литература пришла к башкирам от татар, и только. Забывалось право на поэтов, писавших по-татарски или на тюрки, но живших в Башкирии и зачастую называвших себя башкирами, как и право на освоение опыта распространенной здесь восточной и западной (от Волги) классики.

Словно загнипнотизированные огромным, постоянным и благотворным влиянием татарской литературы, от которой действительно как бы отпочковывается башкирская словесность, мы не пытались внимательно взглянуть в прошлое и там поискать следы существования традиций. А. Харисов преодолел психологический барьер, закрывавший доступ к новой теме, всерьез взялся за ее разработку и не убоился огромности труда: надо было освоить фольклор, надо было изучить общетюркское наследие, годами собирать старые рукописи, искать памятники башкирской литературы, найти следы башкирского языка в татарской литературе, выявить ту часть татарского наследия, которая является и башкирской и татарской, а подчас и только башкирской. С преодоления инерции, с серьезной постановки самого вопроса о башкирском наследии и начинается на сей раз научное открытие. Затем были годы, десятки лет труда, но они были уже следствием этого одного решительного шага.

Одна из лучших в книге — глава «Время и его культура», отличающаяся смелостью и широтой взгляда. Почему башкиры, находясь в непосредственной близости от Средней Азии, пережившей еще в древности период культурно-литературного подъема, зная тюрки — общий тогда для тюркских племен литературный язык, — не выдвинули крупные таланты? Много причин: отсутствие у башкир государственности, родо-племенной быт, межродовая, межплеменная война, ислам, удаленность от развитых цивилизаций, малочисленность народа, к тому же постоянно вынужденного вести кровопролитную и непрерывную войну за самое свое существование, — все это сказывалось

на развитии культуры. «На арену выходили не поэты, а воины, встававшие во главе народной битвы». Первым поэтом башкирского народа стал народный герой Салават: «Образ Салавата Юлаева был так прочно связан с народными идеалами, что погибшую вместе с Салаватом его поэзию народ открывал заново: создал песни, кубаиры, стихи, приписав их народному герою».

Условия для возникновения национальной литературы создались в последние века, но они не были реализованы вследствие гнета религии, враждебной светской культуре, гнета колониализма. Лишь социалистическая революция освободила творческие силы народа. Тут-то на помощь башкирам и пришла татарская культура, которая в свою очередь питалась идеями и всем богатством русской, а также и мировой культуры.

Глава «Время и его культура» — краткий и выразительный очерк духовной жизни башкирского народа. В этой главе уже определяются особенности исследовательского «почерка» автора, стремящегося к многостороннему охвату предмета исследования, к исторической конкретности, социологической достоверности при неустанном внимании к художественной специфике. За исследуемыми явлениями искусства просматривается история народа, история формирования его национального самосознания. Так проявляется достигнутое современным литературоведением искусство синтетического анализа, широкого подхода к литературе, когда вскрывается ее связь с историей, когда выявляются ее внутренние закономерности. Глава эта очень важна во внутренней композиции работы: автор исследует предпосылки возникновения литературы.

В главе «Национальный язык и литературный язык» ставится проблема литературного языка, роли двуязычия в развитии национальной литературы, а также на большом материале вскрывается история развития башкирской литературы.

Ранние этапы ее становления связаны с языками тюрки и татарским. А. Харисов отмечает: «Башкиры, знавшие тюрки, писали на этом языке свои шэжэрэ. Торговые документы, юридические бумаги... писались вначале на тюрки, затем на татарском. Обращение Пугачева к башкирам, воинские приказы и стихи Салавата писались на том же общем языке. Наконец, некоторые вышедшие из башкир и жившие в Башкирии поэты писали на том же официальном (но «украшенном» арабизмами) письменном языке. Все это относится прежде всего к башкирской письменной культуре». Следует сказать, что татарский ученый М. Гайнуллин в своей рецензии на книгу А. Харисова (журнал «Агидель», 1966, № 1) присоединяется к положениям, выдвинутым башкирским исследователем.

Положение А. Харисова о роли двуязычия в национальном становлении опирается на анализ развития мировой литературы, где факты двуязычия весьма многочисленны; оно подтверждается также анализом истории башкирской литературы. М. Гафури, С. Кудаш, Ш. Бабич, Д. Юлтый писали вначале на татарском языке, а служили и башкирской литературе, считали себя башкирами, ориентировались на башкирского читателя. Это чувство осознания своей национальности отмечается и у Т. Ялчыгулова, Г. Чокрый. Башкиры всегда тесно были связаны с татарами, знали татарский язык, но гордились и своим.

Естественно, что татарский язык долгое время воспринимался как литературный башкирский. В свою очередь татарский литературный язык постоянно обогащался за счет башкирской лексики (А. Харисов в качестве примера приводит стихотворение известного татарского поэта Дэрдменда «Янгыр» — «Дождь»). Словом, башкирский язык существовал, развивался, хотя и не смог закрепиться до революции в форме письменного литературного языка.

Вторая часть исследования А. Харисова посвящена фольклору. Правда, фольклорные главы как бы выпадают из «лада» работы — она исполнена пафоса постижения неизвестного, пафоса исследования, здесь же приходится идти на повторение уже известного: автор опирается на свои собственные прежние труды (во «Введении» он справедливо указывает, что подготовленные им два тома «Башкирского народного творчества» «были началом «путешествия в прошлое», первым его итогом»).

Следующий, третий по счету, раздел посвящен произведениям, пришедшим на башкирскую землю с классического Востока. Автор привлекает статьи и очерки «Современника» и «Отечественных записок», исследования татарских писателей и ученых, труды ориенталистов, тюркологов — В. Бартольда, А. Кононова, С. Малова, И. Крачковского, В. Гордлевского, А. Боровкова, Е. Бертельса, Б. Дорна, А. Самойловича, Н. Катанова, А. Баранникова. Он показывает, какая литература и какими путями приходила с Востока, как осваивалась она, как воспринималась на башкирской почве.

Здесь, как и ранее, проблемное исследование смыкается с исследова-

нием историко-литературным, а отчасти — и историческим. Автор идет на древние караванные пути, соединявшие Приуралье и Среднюю Азию: ведь еще Г. Ибрагимов указывал, что вместе с караванами «передвигались шакирды, привозились научные методы... Приезжали вместе со схоластикой, чалмой и знатоки чагатайской литературы, прибывали произведения Бакыргани, Ясави, Рабгузи, Навои». А. Харисов ведет читателя в центры тогдашней торговой и культурной жизни. Одним из них был Оренбург. Основание Оренбурга вынудило царизм отказать от плана перекрытия путей в непокорную Башкирию, открыть ворота на восток. Усиливается интерес к татарам и у царских чиновников. Татары (а с ними и башкиры) становятся переводчиками, послами. В Поволжье едут ученые. Растет число медресе, мектебов, появляются русские школы. Немалую работу ведет Казанский университет, там открывается типография. Собираются древние рукописи.

На башкирской земле читают Саади, Навои, Низами, знают Юсуфа Баласугунского и его «Кудатку билиг», знают «Калилу и Димну», «Тутыйнамэ», рассказы про Авиценну, про Ходжу Насреддина. А. Харисов знакомит читателя и с другими поэтами, пользовавшимися в то время популярностью: А. Ясави, С. Бакыргани, Рабгузи, — поэтами исламскими по характеру творчества. В работе изучается творчество и других поэтов, светских и религиозных, творивших на здешней земле: Көл Гали, Мухаммадьара, называются имена арабских поэтов — выходцев из Башкирии. Автор ищет следы воздействия древней восточной культуры в фольклорных произведениях, легендах, сообщениях рус-

ских путешественников. Так воссоздается широкая картина взаимодействия башкирской поэзии с восточными литературами. Все это написано живо, читается легко, свободно. И о чем также стоит сказать, — все это написано весьма критически: автор ведет бой с религией, схоластикой, феодальной моралью, всегда отделяет художественные знаки от религиозных плевел. Эта боевая позиция ощущалась и при разговоре о фольклоре, она наглядно проявляется и в последующих главах книги. Две культуры — народная и реакционная — четко разделены.

Раздел, посвященный рукописной литературе Башкирии XVIII—XIX веков, потребовал, пожалуй, наибольших усилий со стороны автора, — здесь надо было идти нехожими тропами, большинство дошедших до нас произведений нигде не публиковалось. А. Харисов дает их в качестве приложений, чтобы читатель мог сам оценить эти произведения, иметь о них собственное суждение. Книга превращается в своеобразную хрестоматию по древней башкирской литературе, что не только не понижает ее научного значения, но придает ей дополнительный вес.

Данные о собирании рукописных материалов, о крупных книгохранилищах, характеристика наиболее интересных рукописей, сообщения о древних библиофилах, собирателях книг, которых было немало в башкирских деревнях, о переписчиках книг, — материал этот чрезвычайно большой и, как справедливо отмечает автор, он еще ждет своих исследователей. А. Харисова же интересуют не столько сами книги на арабском и персидском языках, на тюрки, сколько «увязавшиеся» за ними литературные башкирские тек-

сты, которые сохранились на полях, на чистых страницах. Здесь и наговорные стихи, заклинания, и любовные строки. Здесь и записи о природных явлениях, загадки. Все это — немалое поэтическое богатство. Оно почти не собрано было, какую-то часть занесли в свои книги Риза Фахретдинов и другие татарские и русские деятели литературы. Разделив произведения на дидактические, любовные, шэжэрэ (родословные), А. Харисов дает им подробнейшие характеристики, свидетельствующие о большой наблюдательности и знании древней литературы, ее особенностей. Отдельно изучаются произведения, приписываемые Салавату Юлаеву (как указывает автор, «стихи Салавата не дошли до нас в оригинале, они известны в переводах с русских подстрочников»).

Говоря о поэтах, исследователь дает общую, исполненную критического пафоса характеристику суфизму, его выражению в поэзии всего Востока, рассказывает о жизни и творчестве таких поэтов, как Т. Ялыгулов, Абельманих Каргалый, Хибатулла Салихов, Шамсетдин Заки, Гали Чокрый, Акмулла, М. Уметбаев.

Наиболее крупные фигуры из перечисленных — М. Акмулла, поэт, принадлежащий сразу трем народам — казахскому, татарскому, башкирскому, — и М. Уметбаев. Анализ их творчества со всей наглядностью подводит к мысли о зарождении истоков искусства башкирского художественного слова. И хотя Акмулла не писал еще на башкирском языке и находился под воздействием старого тюрки, под влиянием канонов прежних лексических норм, его поэ-

зия, несомненно, не только по идеям своим, но и по языку стоит ближе к народу, чем поэзия, скажем, Хибатуллы Салихова. Словом, автор показывает нам вехи существенного процесса — подспудного созревания тех демократических элементов, из которых впоследствии сложилась башкирская культура. Такие писатели, как Акмулла, являлись предшественниками М. Гафури.

Тема исследования А. Харисова — литературное наследие целого народа, — конечно, не может быть с абсолютной полнотой раскрыта в одной книге. Будут открываться новые тексты, которые могут изменить картину литературного развития того или иного периода, будет детальнее изучаться творчество каждого из поэтов, большее внимание уделено стилистическим особенностям отдельных произведений и т. д. Но вряд ли в будущем кто-либо сможет обойтись без труда А. Харисова — энциклопедически широкого, стоящего на высоте современного литературоведения. Этот труд учит видеть литературу в многосторонних связях с историей, с общественной борьбой, с бытом, познавать литературу в ее специфических особенностях и закономерностях. Этот труд свидетельствует о зрелости литературоведения в республиках, где, как и в центре, ученые стремятся к созданию широких концепций, способных вместить разнообразный национальный материал, различные творческие течения, художественные направления, включить литературу социалистического реализма в протяженный во времени мировой художественный поток.

Р. БИКМУХАМЕТОВ